

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

ЧЕТЫРЕ ДЕРЖАВЫ
ВОКРУГ МОСКВЫ.
ОДИН ХОД
МЕНЯЕТ
ИСТОРИЮ.

РЕЧЬ
ПОСПОЛИТАЯ

ШВЕЦИЯ

КРЫМСКОЕ
ХАНСТВО

СВЯЩЕННАЯ
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

АИ, ГОДУНОВ

— ВЕРСИЯ 2 —

ЧЕТЫРЕ ВЫЗОВА.
ОДНА МОДЕЛЬ.
ГОТОВ ЛИ МЕТОД
ИОНЫ К ВЫЗОВАМ
КВАНТОВОЙ
ЭПОХИ?

АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ЗАПИСКА №247

ЕВРАЗИЙСКИЙ
СОЮЗ

2026

ПЯТЬ ПРАВИЛ
ОДНА ТРАДИЦИЯ
ЧЕТЫРЕ РЕКА

Желько Максимович

АИ, Годунов версия 2

<https://litres.ru/74297893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сентябрь 1600 года. Четыре державы сжимают кольцо вокруг Москвы: Речь Посполитая выдвигает самозванца, Швеция ждёт момента для удара с севера, Крымское ханство точит клинки, а Священная Римская империя плетёт дипломатические интриги. Царь Борис Годунов не спит третьей ночью. Казна пуста. Бояре готовят заговор. Страна на грани катастрофы.

Но в Посольском приказе, над картой, нарисованной углём на пергаменте, склоняется человек без звания и титула — бывший монах Иона, ученик легендарного Джона Ди. Он предлагает не обороняться, а играть. На опережение. На противоречиях. Четыре хода — и доска перевёрнута: Стокгольм получает легитимацию, Стамбул — зерно и мир, Вена — нейтралитет, а Краков Кракову достанется операция «Зеркало» — информационная война, равной которой не знала история.

Желько Максимович

АИ, Годунов версия 2

Глава 1. Доска

Сентябрь 1600 года. Посольский приказ, Москва. Второй час пополуночи.

Свеча оплывала воском — четвёртая за ночь. Медная капля скатилась по бронзовому подсвечнику и застыла на дубовой столешнице, на которую никто не смотрел. Смотрели на карту.

Это была не географическая карта. Такие не вычерчивали землемеры, не заверяли подьячие, не посылали воеводам для сверки границ. Она росла здесь, в этой комнате, уже седьмой месяц — слой за слоем, пометка за пометкой. Круги означали зоны влияния. Их было пять. Сплошные линии — открытые союзы. Пунктир — тайные. Красные стрелки — векторы военного давления. Синие — торговые потоки. Жёлтые — маршруты дипломатических миссий за последние полгода. Чёрные кресты — города, охваченные слухами о самозванце.

Карта дышала. Иона знал это, хотя никому не сказал бы вслух. Он провёл над ней слишком много ночей — доста-

точно, чтобы заметить: по утрам стрелки сдвигались. Нет, не сами. Он сам их переставлял, просыпаясь затемно, с новым пониманием, которого не имел накануне. Но понимание приходило не из сна. Оно приходило из карты. Так он чувствовал. Карта знала больше него. Карта думала. Карта была не изображением — она была моделью мира, и мир отзывался на неё странным, почти суеверным эхом.

Иона провёл пальцем по пергаменту — не прикасаясь, в четверти вершка над поверхностью, как водил всегда. Он говорил, что пергамент боится человеческого жира. На самом деле ему просто нравилось ощущение пространства между кожей и картой — зазор, в котором помещалась его воля.

Его слушали трое.

Государь Борис Фёдорович Годунов сидел прямо, положив ладони на подлокотники резного кресла, — единственный, кому в этой комнате полагалось кресло. Ему было сорок восемь. Он правил второй год. И выглядел на десять лет старше, чем в день венчания на царство. Мешки под глазами. Пальцы, сжимающие подлокотники, — побелевшие, хотя он не замечал. Он не спал третью ночь. Иона знал: государь видит сны наяву. Видит Углич. Видит мёртвого царевича. Видит толпу на Красной площади — ту, что кричала ему здравицу. И ту, что будет кричать иное.

Справа от государя, на лавке без спинки, сидел Афанасий Иванович Власьев — глава Посольского приказа, думный дьяк, человек, знавший пятнадцать языков и ни одного мнения, которое не совпадало бы с мнением начальства. Ему было пятьдесят. Он носил бороду клином — не по моде, а по привычке, выработанной в посольствах: такая борода не мешала пить вино на приёмах. Глаза у него были рыбы — выпуклые, немигающие. Иона не любил смотреть в эти глаза. Но ценил: Власьев умел молчать. И умел запоминать. И умел доставать людей, которые доставали языков, которые доставали слухи из-под дверей европейских канцелярий. Полгода назад, за две тысячи рублей и сорок соболей, Власьев купил венского секретаря. Тот копировал донесения папского нунция. Сорок соболей — смешная цена за знание того, что Сигизмунд написал Рудольфу в марте.

Слева, на такой же лавке, сидел Иван Тимофеев — думный дьяк, хранитель государственной печати, человек с лицом университетского профессора, на которое эпоха наложила тень палача. Ему было сорок пять. Он не говорил на пятнадцати языках. Он вообще говорил мало. Но у него была память — та самая, которой не существовало в природе. Он помнил каждую грамоту, прошедшую через его руки за двадцать лет службы. Каждую подпись. Каждую дату. Каждого дьяка, который посмел переставить запятую. Говорили,

что он помнит даже то, чего не читал. Иона проверял — и не опроверг.

Карта лежала между ними, как подсудимая.

Иона начал.

Краков

— Доска, — сказал он. — Смотрите.

Голос у него был низкий, ровный, с лёгкой хрипотцой — следствие трёх лет в иезуитской коллегии, где он надорвал связки, учась спорить по-латыни. Иона носил рясу — чёрную, без украшений, подпоясанную простым вервием, — но ни один человек в этой комнате не считал его монахом. Монахи не рисуют стратегических карт. Не знают устройства артиллерийских парков Сигизмунда. Не говорят о «прокси-войне» — термин, которого ещё не существовало ни в одном языке, но который Иона выдумал и вложил в головы присутствующих так естественно, как будто он был всегда.

— Пять игроков. Четыре — против нас.

Он ткнул пальцем в Краков — туда, где чёрная окружность с золотой каймой обозначала столицу Речи Посполи-

той.

— Сигизмунд III Ваза. Король польский и великий князь литовский. Бывший шведский король — дядя Карл отобрал у него Стокгольм два года назад, и эта рана гноится. Ему сорок три. Он носит испанские кружева. Говорит с акцентом — он вырос в Швеции, но душой в Эскориале. Он воспитан иезуитами. Он верит, что Господь поручил ему вернуть схизматиков в лоно истинной церкви. Он верит, что можно быть одновременно воином Христовым и политическим игроком. И он уже сделал свой ход.

Иона помедлил, давая карте заговорить. Его палец скользнул на восток от Кракова — к маленькому значку, нарисованному красной тушью: фигурка человека с короной, перечёркнутая крест-накрест.

— Самозванец. Мы не знаем точно, кто он. Гришка Отрепьев? Беглый монах? Побочный сын Батория, как шепчут в Кракове? Или настоящий инструмент — человек, которого готовили долго, которого учили языкам, манерам, военному делу специально для этой роли? Неважно. Важно, что он уже у Мнишек. Юрий Мнишек — сандомирский воевода, банкрот и авантюрист, он отдал самозванцу свою дочь Марину. Ей семнадцать. Она красива, честолюбива и верит, что станет русской царицей. Её отец верит, что получит Смо-

ленск, Новгород и половину царской казны. Оба ошибаются — но пока эта вера работает на нас. То есть на них. То есть против нас.

Иона поднял глаза. Тимофеев чуть заметно кивнул — он проверял каждый факт и знал, что Иона не ошибается.

— У Сигизмунда есть частные армии, — продолжил Иона. — Армия Мнишеков, армия Вишневецких, армии полудюжины магнатов, которым сейм не указ. Сейм, — его палец постучал по Кракову, — не даст ему денег на большую войну. Шляхта боится усиления королевской власти больше, чем православных схизматиков. Но на малую войну — через прокси, через самозванца, через наёмников, нанятых на частные средства магнатов, — денег хватит. Уже хватает. Уже вербуют.

Он обвёл пальцем контур Речи Посполитой — от Кракова до Вильно, от Вильно до Киева, от Киева до Смоленска.

— Его стратегия: направить самозванца с польско-литовскими отрядами на Москву. Дождаться, пока на нашей стороне начнётся гражданская война. Дождаться, пока города начнут присягать самозванцу — а они начнут, потому что три неурожайных года подряд и потому что бояре не любят Годуновых. Дождаться, пока мы ослабнем настолько, что он

сможет войти в Москву как «миротворец». Не как завоеватель — как *restaurator pacis*, восстановитель мира. С хоругвями. С иезуитами. С личной унией.

Годунов смотрел на карту. Его лицо не выражало ничего. Но пальцы на подлокотниках побелели ещё сильнее.

Стокгольм

Иона перевёл палец на север — к синему кругу, пересечённому тремя жёлтыми стрелками, направленными на восток.

— Карл IX, — произнёс он с той особенной интонацией, с какой говорят о родственниках, заслуживающих виселицы. — Регент Швеции — он ещё не коронован, но уже король во всём, кроме титула. Младший сын Густава Вазы. Дядя Сигизмунда — и его смертельный враг.

Он помедлил, выстраивая перед слушателями невидимую *genealogia*.

— Представьте: два человека. Оба Вазы. Один — католик, фанатик, иезуитский ученик, король Польши. Второй — лютеранин, прагматик, воспитанный в суровом шведском благочестии, регент Швеции. Два года назад, в тысяча пять-

сот девяносто восьмом, Карл отобрал у Сигизмунда шведский трон. Война была короткой и грязной. С тех пор они не могут находиться на одном континенте без того, чтобы не плести заговоры друг против друга. Это не просто политическая вражда. Это родовая ненависть. Брат против брата. Дядя против племянника.

Власьев хмыкнул. Он знал цену родовой ненависти. Он видел, как грызутся боярские роды в Думе.

— Карлу нужна Балтика, — продолжил Иона, ведя пальцем по побережью — от Стокгольма к Нарве, от Нарвы к устью Невы. — Не просто как море. Как дорога. Как торговый путь. Шведская казна наполовину зависит от пошлин с русской торговли. Пока наши купцы везут меха, воск и зерно через шведские порты — Карл богатеет. Если этот поток прервётся — у него не будет денег на армию. А армия ему нужна. У него война с Данией назревает, у него внутренние дразги с аристократией, у него беспокойная Финляндия. И у него Сигизмунд под боком, который мечтает вернуть Стокгольм.

Иона отодвинул руку. Стрелки на карте — жёлтые, от Стокгольма — смотрели на восток. Но одна, еле заметная, штриховая, изгибалась к югу, к Кракову.

— Его стратегия, — сказал Иона, — поддержать любого, кто ослабит и Москву, и Варшаву одновременно. Он будет ждать. Он не вступит в войну первым. Он будет наблюдать, как мы сцепляемся с поляками. А когда мы увязнем — он ударит с севера. Нарва, Ивангород, Ям, Копорье. Может быть, Новгород. Может быть, Псков. Он не хочет завоевать Россию. Он хочет отрезать её от Балтики. Оставить нас без моря. Превратить в сухопутную державу, зависимую от шведской торговой пошлины.

— Сколько у него людей? — спросил Годунов. Это был первый вопрос за ночь. Голос государя звучал глухо, как будто через подушку.

— Постоянной армии — тысяч двенадцать. Но он может набрать ополчение. Финские полки. Наёмников из немецких княжеств. В случае серьёзной кампании — до двадцати пяти тысяч. Не так много. Но достаточно, чтобы оттянуть наши войска с западного направления. Именно этого он и хочет. Не разгромить нас. Связать.

Годунов кивнул. Пальцы на подлокотниках чуть расслабились.

Стамбул

Палец двинулся к югу — к зелёному кругу с полумесяцем.

— Мехмед III, — произнёс Иона. — Султан Османской империи. Ему тридцать четыре. Он взошёл на трон пять лет назад, казнив девятнадцать своих братьев. Это традиция — но он выполнил её лично. Не передоверил палачам. Говорят, что после этого он не спал месяц. Говорят, что он пишет стихи под псевдонимом. Говорят, что он боится собственного сына. Всё это правда.

Иона говорил о Мехмеде иначе, чем о Сигизмунде или Карле. Без презрения. Без насмешки. С уважением, граничащим с чем-то похожим на понимание. Он провёл три года в Стамбуле — не по своей воле, но это уже другая история. Он знал османский двор. Знал, что султан не спит по ночам, как не спит Годунов. Знал, что власть на вершине — всегда одиночество.

— У него три войны одновременно. Первая — с Габсбургами на венгерском фронте. Война идёт уже семь лет, с девяносто третьего года. Ничья. Турки взяли Эгер, но не смогли взять Вену. Габсбурги взяли Эстергом, но не смогли взять Буду. Каждая кампания стоит денег. Каждая зимовка — людей. Вторая война — персидский фронт. Шах Аббас давит с востока, отбирает Закавказье, переманивает курдских беев. Третья война — внутренняя. Паши бунтуют. Янычары тре-

буют денег. Анатолийские крестьяне поднимают восстания.

Иона оторвал взгляд от карты и посмотрел на государя.

— Мехмед не хочет большой войны с нами. У нас мир. У нас договор. Русский посол в Стамбуле сидит на почётном месте, выше французского и английского. Султан не нарушит договор — пока ему это невыгодно. Но есть Крым.

Палец переместился на Крымский полуостров — оранжевый овал, соединённый со Стамбулом тонкой зелёной линией.

— Крымское ханство — вассал Османской империи. Гази-Гирей II, хан крымский, — вассал султана. Но вассал с зубами. У него сорок тысяч всадников. У него желание грабить. У него память о том, как в семьдесят первом году Девлет-Гирей сжёг Москву. И он знает, что пока Годунов держит южную границу на замке — засечные черты, крепости, сторожи, — он не пройдёт. Но если у нас начнётся смута — если войска уйдут на запад, на север — он пройдётся до Москвы и выставит счёт.

— Чей счёт? — спросил Власьев. — Султана или свой?

— Обоих, — сказал Иона. — Стратегия Мехмеда проста:

не вмешиваться самому, но дать крымцам волю. Формально он не нарушит договора. Формально хан действует самостоятельно. Формально Константинополь ни при чём. Но мы знаем, что без султанского разрешения хан не двинет и сотни всадников. И мы знаем, что в прошлом году султан прислал Гази-Гирею десять тысяч золотых — якобы на строительство мечетей. Мечетей в Крыму не строили. Золото пошло на закупку пороха.

Тимофеев шевельнулся. У него была привычка: когда он слышал новую информацию, он наклонял голову к левому плечу — на вершок, не больше. Иона заметил это движение.

— Ты проверишь данные о золоте, — сказал Иона, не спрашивая. — Но я ручаюсь.

Тимофеев наклонил голову ещё на вершок.

Вена

Палец Ионы скользнул на запад — к бледно-фиолетовому кругу, нарисованному нетвёрдой рукой. Не его рукой. Рукой Власьева. Иона помнил: когда рисовали Вену, Власьев спросил: «А империя — она ещё стоит?» И сам себе ответил: «Стоит. Но сидит».

— Рудольф II, — сказал Иона. — Император Священной Римской империи. Король Венгрии. Король Богемии. Эрцгерцог Австрийский. Обладатель самой большой короны и самой маленькой армии в Европе.

Он помедлил, подбирая слова.

— Ему сорок восемь — ровесник Бориса Фёдоровича. Но если наш государь проводит ночи за делами, Рудольф проводит ночи за астрологией. Он коллекционирует часы. Он собирает алхимиков. Он беседует с Кеплером и Браге. Он подозревает, что его хотят отравить. Он не женат. У него нет наследника. Его брат Маттиас ждёт — не дожётся, когда Рудольф окончательно сойдёт с ума и можно будет забрать корону.

Иона вздохнул. Империя — гигантский колосс на карте Европы, от Северного моря до Адриатики, от Рейна до Карпат — выглядела внушительно. Но Иона знал, что под позолотой — труха.

— У него турки на юге. Венгерская война, которая высасывает деньги. У него протестанты внутри — князья, которые не хотят подчиняться католическому императору. У него бюджетный дефицит. У него долги Фуггерам, которые он никогда не выплатит. У него прогрессирующее безумие

— врачи называют это меланхолией, но мы-то знаем. Он запирается в пражском Граде и неделями никого не принимает.

— Что нам до него? — спросил Годунов. — Он далеко. У него нет границы с нами.

— У него нет границы, — согласился Иона. — Но у него есть дипломаты. В Кракове. В Стокгольме. В Стамбуле — перемирие с турками, шаткое, но держится. Его послы работают. Плетут интриги. Стравливают всех со всеми.

Иона остановился. Он вспомнил письмо, перехваченное людьми Власьева три месяца назад. Венский посол в Кракове писал Рудольфу: «Московия слаба. Годунов ненавидим боярами. Самозванец — удобный инструмент. Не следует вмешиваться, но следует поощрять поляков. Чем глубже они увязнут в Московии, тем спокойнее будет наша венгерская граница».

— Его стратегия, — произнёс Иона, — хаос на востоке как гарантия передышки на юге. Если мы сцепимся с поляками, турки отвлекутся на нас. Венгерский фронт задышит. Если поляки увязнут у нас, они перестанут интриговать в Богемии. Если шведы ударят с севера — они перестанут мутить воду в северогерманских княжествах. Чем хуже нам — тем

лучше Рудольфу. Не потому, что он желает нам зла. А потому, что наше зло — его благо. Простая арифметика.

Он замолчал. Карта лежала под его ладонью — тёплая, живая, дышащая.

Пауза

Тишина в комнате стояла такая, что слышно было, как воск капает с подсвечника. Четвёртая свеча догорала. Иона знал: когда она погаснет, нужно зажечь пятую. Или не зажигать. Может быть, разговор закончится сам.

Годунов смотрел на карту. Не на стрелки и круги — а на сам пергамент. На материал. На фактуру. Как будто пытался понять, из чего она сделана. Из знаний? Из страхов? Из бессонных ночей?

Молчание длилось. Власьев не шевелился. Тимофеев не шевелился. Иона не шевелился. Карта дышала.

Иона думал о той минуте — она ещё не наступила, но он уже знал, что наступит, — когда всё изменится. Когда слова перестанут быть словами и станут решениями. Когда игра начнётся по-настоящему.

Он думал о том, что история — не цепь событий, а сеть. Узлы. Связи. Натяжения. Дёрнешь один узел — отзовется в другом. И никто не знает, где отзовется. Даже он.

Он думал о самозванце — человеку, которого он никогда не видел. Который сейчас, может быть, пьёт вино где-нибудь в Самборе, в замке Мнишеков. Который, может быть, не знает, что он пешка. Или знает — и тогда он опаснее всех.

Он думал о Марине Мнишек — семнадцатилетней девушке, которая спит сейчас под атласным одеялом и видит во сне московский трон. Что ей снится на самом деле? Корона? Власть? Или просто побег из отцовского замка, пропахшего долгами?

Он думал о Годунове — человеку, который не должен был стать царём. Который стал. Который теперь должен удержать то, что не может быть удержано. Державу, построенную на крови Угличского царевича — убитого ли, зарезавшегося ли в припадке, неважно. Важно, что тень этого мальчика лежит на каждом указе, на каждой грамоте, на каждом решении. Иона знал: Годунов видит эту тень по ночам. Он тоже не спит. Они все не спят.

— Четыре державы, — произнёс Иона, разрывая тишину.

Его голос прозвучал буднично, как будто они обсуждали не судьбу царства, а цены на зерно.

— У каждой — свой интерес. У каждой — своя стратегия. Ни одна не хочет войны с нами в одиночку. Но все четыре надеются, что мы упадём сами. И тогда они поделят нас, как волки делят раненого лося.

Он обвёл взглядом карту — все круги, все стрелки, все пунктыры. Власьев смотрел на него. Тимофеев — на карту. Годунов — в стену.

— Волки не нападают на здорового лося, — продолжил Иона. — Они ждут, пока он споткнётся. Пока у него подвернётся нога. Пока он ослабнет от голода. Мы — лось. Здоровый. Сильный. Но у нас три неурожайных года. У нас бояре, которые ненавидят царя. У нас самозванец, который наступает с запада. У нас слух — просто слух, пока, — о том, что Угличский царевич жив. И волки это чувствуют. Они не видят лося. Они чувствуют запах крови. Крови, которой ещё нет. Но они уже облизываются.

Годунов перевёл взгляд со стены на Иону. Медленно. Как будто голова весила больше обычного.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

Иона выдержал паузу. Ровно три удара сердца.

— Играть. Не ждать, пока они нападут. Не защищаться. Играть. На опережение. На противоречия между ними. На их страхи и слабости.

— Конкретно.

Иона опустил палец на Краков:

— Сигизмунд боится шведского вторжения в Ливонию. Его римская вера не нравится православным подданным в Литве. Его централизаторские замашки не нравятся шляхте. Мы можем сыграть на каждом из этих страхов. Мы можем дать понять шляхте, что самозванец — не их инструмент, а иезуитский. Мы можем дать понять православным магнатам Литвы, что Москва — не враг, а защитник. Мы можем намекнуть Карлу, что Нарва — не самое интересное, что есть в Ливонии.

Палец переместился на Стокгольм:

— Карл боится Дании. Он боится, что Сигизмунд вернётся в Швецию через финские земли. Он боится, что русская торговля уйдёт через Архангельск к англичанам. Мы можем

предложить ему договор. Торговый. Балтийский. С участием третьей стороны, которая сделает этот договор невыгодным для Польши.

Палец — на Стамбул:

— Мехмед боится персов. Боится бунта янычар. Боится, что крымский хан станет слишком сильным и выйдет из-под контроля. Мы можем помочь ему сдержать хана — дипломатически. Мы можем предложить ему координацию против персов — не военную, информационную. Мы можем сделать так, чтобы ему было выгоднее дружить с нами, чем терпеть крымскую вольницу.

И, наконец, палец на Вену:

— Рудольф боится всего. Но больше всего — что его объявят сумасшедшим и отстранят от власти. Что брат Маттиас начнёт *сoup d'état*. Что турки прорвут венгерский фронт. Что протестантские князья объединятся против него. Мы можем предложить ему неожиданное: дружбу. Москва далеко. Но Москва может написать письмо султану. Москва может намекнуть папе — а папа имеет влияние на Рудольфа, — что православный царь не так уж чужд католическому миру. Мы не должны становиться католиками. Но мы можем сделать вид, что думаем об этом.

Иона остановился.

Наступившая тишина была иной, чем прежде. Не тишиной ожидания — тишиной осмысления.

Тени прошлого

Годунов поднялся. Медленно — как поднимаются люди, которые давно перестали доверять собственному телу. Пошёл к окну. За окном была сентябрьская ночь — чёрная, глухая, беззвёздная. Москва спала. Кремль спал. Спали бояре в своих теремах, спали стрельцы в караулах, спали нищие на папертях. Только здесь, на третьем этаже Посольского приказа, горела свеча.

— Ты говоришь «играть», — произнёс Годунов, не оборачиваясь. — Но игра — это когда у тебя есть фигуры. А у меня — нет. Бояре меня ненавидят. Народ ропщет. Казна пустеет. Армия — да, армия есть. Но армия воюет с внешним врагом. А мой главный враг — внутренний.

Он повернулся. Лицо его, подсвеченное пламенем свечи, казалось маской — твёрдой, бронзовой, без возраста.

— Ты знаешь, что мне снится? Мне снится мальчик. В

Угличе. Он играет в ножички. С няньками. Ему восемь лет. Он смеётся. А потом он падает. И нож в горле. И кровь — на ступенях, на траве, на руках у мамки. И я стою над ним. Я его не убивал. Но я стою над ним. Каждую ночь.

Никто не шевельнулся. Иона не отвёл взгляда.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Но мальчик в Угличе умер. А самозванец, который называет себя этим мальчиком, жив. И он движется к Москве. И если мы будем думать о том, что было десять лет назад, мы пропустим то, что случится через полгода.

Годунов вернулся в кресло. Сел. Положил ладони на подлокотники — уже без напряжения.

— Хорошо, — сказал он. — Играй. Составь план. Прине-сёшь через неделю.

— План — это неправильное слово, — сказал Иона. — План предполагает, что мы знаем, что сделает противник. Мы не знаем. Мы можем только угадывать. И готовить ответы на каждый его ход. Это не план. Это дерево решений.

— Дерево, — повторил Годунов. — Красивое слово.

— Полезное. Дерево растёт. Ветвится. Плодоносит. И оно живо — пока его корни в земле. Наши корни — здесь. В этой комнате. В этой карте. В людях, которые сидят за этим столом.

Он посмотрел на Власьева:

— Афанасий Иванович, мне нужны люди в Самборе. Не лазутчики — лазутчиков у нас уже достаточно. Мне нужен человек, который войдёт в доверие к Марине Мнишек. Женщина. Можно монахиня. Можно повитуха. Некто, кто будет видеть её каждый день.

Власьев кивнул. Его рыбы глаза блеснули — впервые за ночь в них появилось что-то похожее на интерес.

Посмотрел на Тимофеева:

— Иван Тимофеевич. Мне нужна вся переписка Посольского приказа с Краковом за последние пять лет. Не грамоты — грамоты я читал. Мне нужны черновики, пометки, донесения языков. Всё, что касается Мнишек, Вишневецких, иезуитов при дворе Сигизмунда.

Тимофеев наклонил голову. На вершок. И ещё на вершок. Это означало: «Будет сделано».

— А теперь, — сказал Иона, поднимаясь, — прошу меня простить. Мне нужно подумать.

— Здесь? — спросил Годунов.

— Нет. В церкви. Ночью храм пуст. Там хорошо думается.

Он поклонился — поясно, как положено монаху, но с достоинством, не подобающим монаху. И вышел.

Ночная молитва

Храм Вознесения в Кремле был пуст. Только лампы горели — два десятка огней, дрожащих в темноте, как души усопших. Иона вошёл бесшумно. Сел на лавку в приделе. Не молился. Думал.

Он думал о доске. Не о карте в Посольском приказе — о другой. О той, что он видел впервые двадцать лет назад, в иезуитской коллегии в Вильно, когда старый ксёндз-преподаватель впервые показал ему шахматы.

«Это — мир», — сказал ксёндз. «Вот король. Вот ферзь. Вот ладья — Церковь. Вот конь — дворянство. Вот слон — купечество. А это пешки. Пешки — народ. Их больше всего.

Но они ничего не решают. Или решают? Подумай, Иона».

Он думал. Думал двадцать лет.

Он думал о том, что мир — действительно шахматная доска. Но фигуры на ней — не деревянные. Они живые. Они дышат, потеют, боятся, предаются. Они не ходят по правилам. Или, скорее, у каждой фигуры — свои правила. Ферзь думает, что он ферзь, а на самом деле он пешка. Пешка думает, что она пешка, а на самом деле она может стать ферзём — если дойдёт до конца доски. Конь скачет через головы. Слон ходит по диагонали и никогда не меняет цвет. А король — король не может ходить далеко. Только на одну клетку. В любую сторону. Но он — всё. Если он падёт, игра закончена.

Иона думал о том, что Годунов — король. Белый король. Ему нельзя двигаться далеко. Ему нельзя рисковать. Он должен стоять и ждать, пока другие фигуры — Иона, Власьев, Тимофеев, армия, дипломаты — будут сражаться за него. А сам он может только верить. И не спать по ночам.

Он думал о самозванце. Кто он на доске? Чужой ферзь? Или просто пешка, которую двигают чужие руки — руки Сигизмунда, руки Мнишеков, руки иезуитов? Если пешка — её можно перехватить. Если ферзь — придётся жертвовать фигуры.

Он думал о себе. Кто он на этой доске? Конь? Слон? Или, может быть, игрок — тот, кто стоит над доской и двигает фигуры? Ему нравилось думать, что он игрок. Но он знал: это иллюзия. Игроков не бывает. Все на доске. Все — фигуры. Просто одни знают об этом, а другие нет.

Он достал из рукава чётки. Не для молитвы. Для счёта. Тридцать три бусины — по числу лет Христа. Двадцать лет назад он думал, что это число имеет значение. Теперь он знал: значение имеет только то, что ты можешь сосчитать. Войска — сосчитать можно. Деньги — можно. Союзы — можно. Просчитать комбинацию на десять ходов вперёд — можно. Но нельзя сосчитать волю. Нельзя сосчитать страх. Нельзя сосчитать любовь. Нельзя сосчитать случайность — ту самую, которую ксёндз называл «Провидением», а Иона называл «хаосом».

Хаос. Вот что пугало его больше всего. План можно составить. Дерево решений — вырастить. Но всегда есть хаос. Случайная смерть. Случайное предательство. Случайный слух, который облетает страну быстрее, чем царский указ. Девка на базаре сказала подруге, что царевич жив. Подруга сказала мужу. Муж сказал попу. Поп сказал дьяку. Дьяк сказал боярину. И вот уже город присягает самозванцу. Из-за девки на базаре.

Иона улыбнулся в темноте. Ксёндз сказал бы: «Промысел Божий». Власьев сказал бы: «Агентурная сеть противника». Тимофеев записал бы девку в реестр и присвоил ей номер. А Годунов просто не спал бы ещё одну ночь.

Он перебрал три бусины. Четыре. Пять.

Нет, он не молился. Он считал комбинации.

Комбинации

Первая: Сигизмунд бросает самозванца через границу осенью. У самозванца три тысячи сабель — поляки, литвины, наёмники. Он идёт на Смоленск. Смоленск не сдаётся. Тогда он идёт на Чернигов. Чернигов — южная граница, там меньше войск. Чернигов может дрогнуть. Если дрогнет — за ним Северщина, Путивль, Рыльск. Южные города не любят Москву — у них свои обиды, свои воеводы-воры. Если юг зашатается — у самозванца появляется база. Зимовать он будет на нашей земле. Весной к нему подтянутся подкрепления. Магнаты добавят людей. Казаки с Дона — они вечно недовольны. Крымцы — если хан решит, что момент удобный. К лету у него может быть десять-пятнадцать тысяч. Этого недостаточно, чтобы взять Москву. Но достаточно, чтобы страна перестала быть единой.

Вторая: Карл ждёт до весны. К весне становится ясно, что мы увязли в гражданской войне. Тогда он высаживается в Эстляндии — десять тысяч шведской пехоты. Идёт на Нарву. Мы вынуждены перебрасывать войска на север. Западный фронт слабеет. Самозванец получает оперативный простор. Москва — между молотом и наковальней.

Третья: Мехмед не вмешивается. Но Гази-Гирей — вмешивается. Крымская конница идёт по Муравскому шляху. Сорок тысяч сабель. Мы вынуждены отзывать полки с северского направления. Самозванец опять получает простор. Крымцы грабят южные уезды, берут полон, уходят. Но уходят недалеко. Ждут следующего года. Система засечных черт, которую Годунов строил восемь лет, даёт трещину.

Четвёртая: Рудольф не вмешивается. Но его послы в Кракове, Стокгольме и Стамбуле работают. Координируют. Подсказывают. Дают деньги — не императорские, а тайные, через ордена, через банкирские дома. Империя не воюет. Империя подталкивает других к войне. Это дёшево и эффективно.

Иона перебрал все бусины. Тридцать три комбинации — по одной на каждый год Христа. И каждая вела к катастрофе. Если не вмешаться.

Если играть — можно разорвать этот круг. Стравить Карла с Сигизмундом. Убедить Мехмеда придержать крымцев. Нейтрализовать Вену. Оставить самозванца без союзников, без денег, без надежды. И раздавить его. Не сразу. Постепенно. Так, чтобы каждый из четырёх волков понял: этот лось ещё брыкается. И брыкается больно.

Иона сунул чётки в рукав. Поднялся. Поклонился алтарю — машинально, без молитвы. И вышел в ночь.

Видение первое: Углич

Углич. Он снился Ионе — не каждую ночь, но часто. Хотя Иона никогда не был в Угличе.

Во сне был май. Пыль на дороге. Деревянные мостки через овраг. Мальчик в красной рубахе играет с няньками во дворе. Он смеётся. У него лицо Годунова — Иона знает, что этого не может быть, но во сне странные вещи кажутся естественными. Мальчик подбрасывает нож — и нож падает не на землю, а в горло. Кровь — яркая, слишком яркая для сна. Няньки кричат. Колокол бьёт — не церковный, а набатный, тревожный. Толпа бежит на двор. Кричат: «Царевича убили! Годуновские люди убили!»

И тут Иона видит себя — стоящего в стороне, у забора. Он взрослый. Он в рясе. Он держит в руках чётки. Но чётки — не с бусинами, а с маленькими черепами. Он перебирает их — и каждый череп говорит голосом человека, которого Иона знал. «Ты мог спасти меня». «Ты мог спасти». «Ты мог».

Иона просыпается. За окном — та же ночь. Он не помнит, когда заснул. Он вообще не помнит, засыпал ли.

Он знает: этот сон — не предзнаменование. Это просто память. Не его — общая. Память страны, которая восемь лет не может решить: был ли убит царевич, или зарезался сам, или не умирал вовсе. Страны, которой нужна правда — но правда никому не нужна. Нужна версия. У каждого — своя.

Иона встаёт. Умывается холодной водой из ковша. Смотрит в окно — на тёмные купола, на стены, на небо без звёзд.

Игра началась. Он не знает, когда именно. Может быть, в ту минуту, когда карта впервые задышала под его рукой. Может быть, в ту минуту, когда ксёндз в Вильно показал ему шахматы. Может быть, в ту минуту, когда мальчик в Угличе упал с ножом в горле. А может быть, ещё раньше — когда первый Рюрикович пришёл на эту землю и решил, что она будет его.

Игра идёт. Доска расставлена. Фигуры — живые. Иона берёт плащ и выходит в коридор. Через два часа рассвет. Через два часа начнётся обычный день — приёмы, грамоты, донесения, совещания. Но Иона уже не будет прежним. Карта изменилась. Карта изменила его.

Фигуры

Утро застало Иону в Посольском приказе. Он стоял над картой — один, без Власьева, без Тимофеева, без государя. Свеча догорела. Солнце било в слюдяное окно — косым, пыльным, негреющим лучом.

Он смотрел на карту не как стратег. Как художник. Как человек, который знает: рисунок уже есть. Нужно только проявить его.

Пять кругов.

Белый круг — Москва. В центре. Ось мира. Вокруг — чёрные, синие, зелёные, фиолетовые.

Иона взял уголёк. Мелкими, почти неразборчивыми буквами — он писал для себя, не для других — стал наносить на карту то, чего на ней ещё не было.

Уязвимости.

Рядом с Краковом: «Сейм — оппозиция — Зебжидовский». Воевода краковский, Николай Зебжидовский, ненавидит Сигизмунда. Он ещё не поднял мятеж — это случится через несколько лет в той версии истории, которую знал Иона. Вернее, которую он предвидел. Но уже сейчас Зебжидовский — трещина в польской монолитности.

Рядом со Стокгольмом: «Дания — Кальмарская война». Давний спор за северную Скандинавию, который тлеет и тлеет. Если дать ему разгореться — Карлу будет не до Нарвы.

Рядом со Стамбулом: «Джеляли — восстания в Анатолии». Крестьянские бунты, которые султан не может подавить годами. Если они усилятся — Мехмеду будет не до Крыма и не до Москвы.

Рядом с Веной: «Маттиас — недовольство эрцгерцогов». Брат императора уже собирает сторонников. Уже пишет письма. Уже ждёт.

Иона отступил. Карта стала другой. Не картой угроз — картой возможностей.

В этом и заключалось его искусство. Не предвидеть. Не

планировать. А видеть связи там, где другие видят хаос.

Он вспомнил слова, сказанные однажды старым ксёндзом: «Дьявол — в деталях. Но Бог — в связях между деталями. Кто видит связи — видит Бога. Или дьявола. Или и то и другое».

Иона не знал, кого он видит. Но связи — он видел их ясно.

Сигизмунд боится шведского вторжения — значит, ему нужна дружба с Карлом. Но Карл не будет дружить с Сигизмундом никогда. Значит, Сигизмунду нужна альтернатива: либо нейтралитет Швеции, либо отвлечение Швеции.

Мехмед боится персидского шаха — значит, ему нужна передышка на западном фронте и тишина в Крыму.

Рудольф боится Маттиаса — значит, ему нужен кто угодно, кто подтвердит его легитимность.

Карл боится Дании — значит, ему нужен союзник.

И в каждом из этих «значит» — зазор. Пространство для манёвра. Щель, в которую можно вставить рычаг.

Иона положил уголёк. Вытер пальцы о рясу. Ряса была в

угольных пятнах — не в первый раз.

— Зазоры, — прошептал он. — Игра строится на зазорах.

Вошёл служка — молодой парень с бегающими глазами.

— Отец Иона, там... государь прислали. Спрашивают: готов ли план?

Иона улыбнулся — одними уголками губ, почти незаметно.

— Скажи: план — это неправильное слово. Но дерево растёт.

Парень поклонился и вышел. Иона остался у карты — считать зазоры.

Сага об Ионе: отступление первое

Вильно, 1580 год. Двадцать лет назад.

Мальчика звали не Иона. Тогда у него было другое имя — мирское, которое он позже отбросил, как змея сбрасывает кожу. Ему было четырнадцать. Он стоял в библиотеке иезуитской коллегии и смотрел на книгу, которую не должен

был видеть.

Книга называлась «De Regimine Principum» — «О правлении государей». Не Фома Аквинский — более новая, шестнадцатого века, с гравюрами. На одной гравюре изображалась шахматная доска. Король. Ферзь. Ладья. Конь. Слон. Пешки.

Мальчик знал, что за эту книгу могут выпороть. Библиотека была разделена на две части: дозволенную и недозволенную. Он стоял в недозволенной.

— Ты читаешь не свои книги, — раздался голос за спиной.

Мальчик вздрогнул. Но не обернулся. Не потому, что испугался. А потому что голос был знакомым — старый ксёндз Алоизий, преподаватель риторики. Единственный из наставников, кто смотрел на него не как на дикаря-москвиту, а как на ученика.

— Я хочу понять, — сказал мальчик.

— Что именно?

— Как устроен мир.

Ксёндз подошёл ближе. Взял книгу из его рук. Перелистнул несколько страниц — не глядя, по памяти.

— Мир, — сказал ксёндз, — это иерархия. Король над дворянами. Дворяне над купцами. Купцы над крестьянами. Папа над королями. Бог над папой. Это порядок. Иерархия.

— Но шахматная доска — не иерархия, — возразил мальчик. — На доске фигуры равны. Просто одни сильнее, другие слабее. Но все — деревянные. И все подчиняются правилам. И король не сильнее ферзя. Он слабее. Но он важнее.

Ксёндз посмотрел на него долгим взглядом — поверх очков, съехавших на кончик носа.

— Откуда ты знаешь про шахматы?

— Я видел. У отца ректора в кабинете.

— Ты входил в кабинет ректора?

— Нет. Я смотрел в окно.

Ксёндз помолчал. Потом закрыл книгу, положил на полку — не в ту, откуда мальчик её взял, а в дозволенную.

— Если ты умеешь смотреть в окна, — сказал он, — ты далеко пойдёшь. Или далеко зайдёшь. Это одно и то же. Запомни: шахматы — это модель. Модель — не мир. Модель — упрощение. Но если упрощение правильно — оно позволяет предвидеть. А предвидение — это власть. Иди спать.

Мальчик не пошёл спать. Он стоял у окна в дортуаре — того самого окна, из которого был виден кабинет ректора, — и думал о том, что мир действительно похож на шахматную доску. Но только больше. И фигур больше. И правил больше — у каждой фигуры свои. И сама доска — она не плоская. Она многослойная. На каждом слое — своя игра. И игры связаны. Ход на одном слое меняет позицию на другом.

Он думал об этом двадцать лет. И теперь, стоя над картой в Посольском приказе, он знал: он был прав. Доска — многослойная. Карл играет на одном слое. Сигизмунд — на другом. Мехмед — на третьем. Годунов — на четвёртом. А Иона — Иона стоит над всеми слоями одновременно и пытается увидеть связь.

Ксёндз говорил: предвидение — это власть.

Иона думал: предвидение — это проклятие. Потому что ты видишь не только победы. Ты видишь и поражения. Ты видишь смерть людей, которые ещё живы. Ты видишь горя-

щие города, которые ещё стоят. Ты видишь предательства, которые ещё не случились. Ты видишь всё — и должен жить с этим знанием.

Сага об Ионе: отступление второе

Стамбул, 1593 год. Семь лет назад.

Иона стоял на базаре и торговался за ковёр. Он не хотел покупать ковёр — он ждал связного. Связной должен был передать копию письма крымского хана султану — письма, в котором хан предлагал совместный поход на Москву. Иона знал, что письмо существует. Знал, что оно лежит в султанском архиве. Но ему нужен был текст — точный текст, с датами, с цифрами, с предложениями.

Он стоял в толпе — чёрная ряса среди халатов и чалм — и думал о том, что человек, который придумал султанский архив, был гением. Все документы оседали там. Все доносы, все договоры, все тайные письма. Если знать, как искать, — можно было узнать всё.

Связной появился через час — старый армянин с корзиной инжира. Передал свиток. Исчез. Иона прочитал письмо прямо на базаре — и холод прошёл по спине, несмотря на сентябрьскую жару.

Хан писал султану: «Московия слаба. Годунов ненавидим. Если ударить сейчас — можно взять Москву до зимы. Дайте разрешение. Дайте порох. Дайте золото. Я сделаю остальное».

Султан ответил — Иона знал это позже, из других источников: «Жди. Время ещё не пришло».

Хан ждал. Ждал уже семь лет. Но время приближалось. Иона знал: Гази-Гирей всё ещё ждёт. И когда он решит, что время пришло, — султан не станет его удерживать.

Семь лет. Семь лет он носил в себе это знание. Семь лет готовил контрмеры. Семь лет убеждал Годунова укреплять южные рубежи. И теперь, в сентябре 1600 года, сидя над картой, он знал: южные рубежи готовы. Но готовы ли они к сорока тысячам всадников одновременно с польским фронтом на западе и шведским на севере?

Ответ: нет. Не готовы. Поэтому нужно сделать так, чтобы Гази-Гирей не ударил.

Как? Через Стамбул. Через страх султана перед персами. Через демонстрацию русской силы — дипломатической, не военной. Через посольство, которое должно выехать в Стам-

бул не позже ноября. Через подарки — соболя, золото, обещания. Через намёки на то, что шах Аббас ищет союза с Москвой против турок. Султан этого боится больше всего — русско-персидского союза. И если правильно сыграть на этом страхе...

Иона взял уголёк. Поставил маленький крестик на линии между Стамбулом и Бахчисараем. Крестик означал: дипломатическая миссия. Приоритет: высший.

Сентябрьское утро

Солнце поднялось над Кремлём — пыльное, бледное, какое-то ненастоящее. Сентябрь в Москве всегда был месяцем между — между летним теплом и осенней грязью, между надеждой и тревогой. В этом сентябре тревоги было больше.

Иона шёл через Кремль, кутаясь в рясу. Встречные кланялись — кто-то с уважением, кто-то с суеверным страхом. Про него говорили разное. Что он колдун. Что он видит будущее. Что он продал душу — непонятно кому: католикам, лютеранам или вовсе нехристям. Что он не спит никогда. Что он знает все языки — включая те, на которых говорят ангелы и демоны. Что он может прочитать мысли человека по тому, как тот ставит ногу на ступеньку.

Иона не разубеждал. Легенда работала на него. Человека, который знает все языки, боятся предать. Человека, который не спит, трудно застать врасплох. Человека, который продал душу, не трогают — потому что непонятно, кому она теперь принадлежит и какие силы за ним стоят.

Он вошёл в Посольский приказ. Поднялся по лестнице — шаги гулкие, деревянные, стёртые тысячами ног. Открыл дверь. Карта лежала на столе. Никто не трогал её — он знал по тому, как лежал уголёк: под тем же углом, в той же позиции.

Иона сел. Достал из рукава лист бумаги — мелкий, плотный, голландский. Обмакнул перо в чернильницу. Начал писать.

«Государю Борису Фёдоровичу

План действий на осень-зиму 1600–1601 годов.

Пункт первый: Краков. Необходимо тайное посольство к воеводе Зебжидовскому. Цель: убедить его, что усиление королевской власти через самозванца угрожает шляхетским вольностям. Если Зебжидовский выступит против Сигизмунда сейчас — самозванец останется без части финансирования. Послужном выделить до трёх тысяч рублей.

Пункт второй: Стокгольм. Необходимо предложить Карлу торговый договор на выгодных условиях. Нарва, Ивангород, совместная торговля с английскими купцами минуя датские проливы. Цель: нейтралитет Швеции на ближайшие два года. Взамен — невмешательство Москвы в шведско-датский конфликт, когда он начнётся.

Пункт третий: Стамбул. Большое посольство с дарами. Вести переговоры лично с султаном, минуя визирей. Цель: подтверждение мирного договора, гарантии невмешательства Крымского ханства. Аргумент: угроза русско-персидского союза, если султан не сдержит хана.

Пункт четвёртый: Вена. Малое посольство к Рудольфу. Цель: предложение дружбы, обмен информацией о турецких планах. Аргумент: мы знаем о переписке венских дипломатов с Краковом — и молчим. Дружба Москвы выгоднее, чем интриги.

Пункт пятый: внутренний. Усиление засечных черт на юге. Увеличение гарнизонов в Смоленске, Чернигове, Путивле. Тайная проверка лояльности воевод в пограничных городах.

Пункт шестой: Самбор. Агентурная работа в окружении

самозванца и Мнишеков. Цель: знать его планы раньше, чем он их исполнит.

Дерево решений прилагается.

Иона, сентябрь 1600 года».

Он отложил перо. Перечитал написанное. План — действительно, план, что бы он ни говорил Годунову. Но план — не догма. План — гипотеза. А гипотеза требует проверки.

Иона свернул лист. Запечатал каплей воска — без печати, просто чтобы никто не прочитал раньше времени. Вышел в коридор. Кликнул служку.

— Государю. В собственные руки.

Парень убежал. Иона остался в коридоре, прислонившись к стене. Стена была холодной — осенний камень уже набирал прохладу, которую не отдаст до весны.

Он думал о том, что только что сделал. Он только что запустил механизм. Дипломатические миссии. Агентурная работа. Деньги. Военные приготовления. Всё это — сотни людей, тысячи решений, десятки тысяч последствий. И никто, кроме него, не видит картины целиком.

Одиночество стратега. Ксёндз Алоизий предупреждал его об этом двадцать лет назад — но тогда Иона не понял. Теперь он понимал. Ты видишь доску. Ты двигаешь фигуры. Но ты не можешь никому объяснить, почему ты двигаешь именно эту фигуру именно так. Потому что объяснение требует показать всю доску. А показывать всю доску нельзя — кто увидит её, тот либо сойдёт с ума, либо захочет стать игроком сам.

— Отец Иона! — окликнул его Власьев, поднимаясь по лестнице. — Ты здесь. А я как раз...

— Знаю, — сказал Иона. — Человек для Самбора найден. Монахиня. Из Новодевичьего. Говорит по-польски, знает лекарское дело. Когда она может выехать?

Власьев моргнул — его рыбы глаза на мгновение потеряли невозмутимость.

— Откуда ты...

— Знаю, — повторил Иона. — Это моя работа. Когда?

— Через три дня. Нужны документы.

— Тимофеев сделает. Подойди к нему до обеда.

Власьев кивнул и пошёл дальше по коридору. Иона смотрел ему вслед. Он не знал про монахиню. Он догадался — по тому, как Власьев шёл, по тому, как он дышал. Власьев всегда дышал чаще, когда нёс хорошие новости. Иона заметил это полгода назад и с тех пор использовал.

Вот так и строится легенда. Из мелких наблюдений. Из догадок, похожих на пророчества. Из умения слушать тишину.

Вечер

Вечером того же дня Иона снова сидел один в Посольском приказе. Карта лежала перед ним. Стрелки слегка сместились — или ему казалось? Он больше не был уверен.

Он думал о самозванце. О человеке, которого он никогда не видел — но чувствовал его присутствие. Как будто на доске появилась новая фигура. Не пешка. Не ферзь. Что-то другое. Что-то, чему Иона не мог подобрать названия.

Самозванец был не просто инструментом. Иона понимал это нутром. Инструмент не меняет правил игры. А этот человек — менял. Само его существование — человек без имени, без прошлого, без подтверждённой идентичности — было

вызовом всему порядку вещей. Короли правят по праву крови. Цари — по праву наследования. А этот отрицал и кровь, и наследование. Он говорил: я тот, кем себя называю. И люди верили. И в этом была сила — страшная, тёмная сила, которой Иона не понимал.

Он думал о Годунове. О царе, который тоже был самозванцем — не по имени, но, по сути. Не Рюрикович. Не наследник. Выбранный Земским собором. Принявший власть из рук людей, а не от Бога, — или от Бога, но через людей. И теперь этот царь должен был бороться с самозванцем, который утверждал, что он — истинный наследник. Два зеркала, поставленные друг напротив друга. Две лжи — или две правды, смотря с какой стороны посмотреть.

Иона потёр виски. Он устал. Он не спал уже... он не помнил, сколько. Двое суток? Трое? Сон не приходил. Сон боялся его так же, как его боялись люди.

Он зажёл свечу. Пятую за эту ночь — или шестую? Неважно.

— Доска, — прошептал он. — Всего лишь доска.

Но карта не была доской. Карта была живой. Она дышала. Она ждала.

Сага об Ионе: отступление третье

Где-то вне времени. Может быть, сон. Может быть, явь.

Иона стоит на берегу моря. Он не знает, какого — может быть, Балтийского, может быть, Чёрного. Берег пуст. Песок серый. Волны накатывают и отступают — ритмично, как дыхание карты.

Перед ним на песке расчерчена доска. Не шахматная. Доска для игры, которой не существует. Круги. Стрелки. Пунктиры. Кресты. Всё как на его карте — но больше, гораздо больше. Доска занимает весь берег, весь горизонт.

Иона знает: он должен сделать ход. Но какой? Все фигуры — живые. Они смотрят на него. Годунов — белый король. Сигизмунд — чёрный ферзь. Самозванец — фигура без лица, без формы. Карл — ладья на северном краю. Мехмед — слон, который не меняет цвет. Рудольф — пешка на последней горизонтали, готовая превратиться во что угодно.

Иона поднимает руку — и просыпается.

За окном — рассвет. Четвёртый день сентября. Тысяча шестисотый год.

Игра идёт.

Иона встаёт. Умывается. Надевает рясу. Идёт в Посольский приказ.

Карта ждёт его.

Доска расставлена.

Ход белых.

Глава 2. Первый ход: Стокгольм

Из секретной депеши главы Посольского приказа Афанасия Власьева государю Борису Фёдоровичу. Ноябрь 1600 года.

Великий государь,

Согласно твоему указу и наставлению советника Ионы, отправляю донесение о шведском направлении.

Переговоры в Стокгольме завершены. Шведский король Карл IX согласился на тайный договор сроком на пять лет. Основные условия:

1. Мы признаём права Карла на шведский престол (против претензий Сигизмунда).
2. Мы открываем порты в устье Невы для шведских купцов — с пошлиной вдвое ниже ганзейской.
3. Мы обязуемся не поддерживать польских Ваза в их претензиях на шведскую корону.

Взамен:

1. Швеция обязуется не пропускать через свою территорию и акваторию никакие военные отряды, направляющиеся против Русского царства.
2. Швеция предоставляет нам заём серебром — 40 тысяч талеров под 5% годовых с отсрочкой платежа на три года.
3. Швеция разрывает тайные контакты с польскими магнатами, поддерживающими самозванца.

Стратегический смысл, как разъяснил мне советник Иона: мы выводим Швецию из игры до 1605 года. Карл получает легитимацию (которой ему отчаянно не хватает), торговлю (которая нужна ему для войны с Данией) и деньги (которых у него нет). Мы получаем спокойный северный фланг, серебро в казну и изоляцию польского коридора для самозванца.

Главное же — мы сеём недоверие между Стокгольмом и

Краковом. Сигизмунд, узнав о нашем договоре с узурпатором его шведского трона, впадёт в ярость. В ярости люди делают ошибки.

Жду твоих дальнейших указаний.

Твой верный слуга Афанасий Власьев.

Осень на Балтике

29 сентября 1600 года. Корабль «Святой Николай», где-то между Ревелем и Стокгольмом.

Море было свинцовым. Небо — свинцовым. Воздух — холодным до кости. Афанасий Власьев стоял на корме, кутаясь в шубу, крытую немецким сукном, и смотрел, как пена срыгается с гребней. Балтика не штормила — Балтика дышала тяжело, неровно, как больной старик. Корабль взбирался на волну, замирал на мгновение, проваливался вниз. Власьев держался за поручень — деревянный, скользкий от соли.

Он не любил море. Он любил сухие комнаты, нагретые свечами, с картами на столах и донесениями в ящиках. Но Иона сказал: «Ехать нужно тебе. Карл не поверит никому, кроме первого лица. Ты — первое лицо. Поезжай».

И он поехал. Через Новгород — Копорье — Нарву — Ревель. Дальше морем, потому что сухопутный путь через Финляндию в октябре — это верная смерть либо от холода, либо от разбойников, либо от финских духов, в которых Власьев не верил, но на всякий случай остерегался.

Команда — двадцать стрельцов, три подьячих, лекарь-немец и служка — разместились в трюме. Власьеву уступили капитанскую каюту. Кайута была крошечной — четыре шага в длину, два в ширину, — но у неё было окно. Сквозь мутное стекло он смотрел на море и думал.

Он думал о том, что шведский король — не совсем король. Регент. Узурпатор. Младший сын, отобравший трон у старшего племянника. Никто в Европе не признаёт его законным государем. Папа не признаёт. Император не признаёт. Датский король не признаёт. Даже немецкие князья — лютеране, как и сам Карл, — колеблются. Потому что свержение законного монарха — это опасный прецедент. Если один регент смог свергнуть одного короля, то другой регент сможет свергнуть другого. Монархи чувствуют такие вещи кожей.

Именно здесь, в этой не признанности, лежал ключ. Иона объяснил это Власьеву за три дня до отъезда — ночью, как обычно. Они сидели в Посольском приказе над картой. Све-

ча горела. Иона водил пальцем по Балтике.

«Карлу нужно признание. Не просто признание — легитимация. Он правит четвёртый год, но он всё ещё мятежник в глазах Европы. Если мы — Москва, третий Рим, наследница Византии — признаем его законным королём, это будет стоить больше, чем все его пушки. Потому что Москва — единственная держава, которая не обязана согласовывать свою дипломатию с Римом. Мы сами себе папа».

Власьев тогда спросил: «А что мы попросим взамен?»

«Нейтралитет. И торговлю. Торговля — это то, что Карл понимает. Он купец на троне. Его отец, Густав Ваза, строил Швецию как торговую державу. Карл продолжает. Дай ему торговый путь, дай ему пошлины — и он будет счастлив. А счастливый Карл не нападёт на нас».

«А если нападёт?»

«Не нападёт. У него Дания на юге. У него Сигизмунд за морем. У него внутренняя оппозиция — аристократы, которые до сих пор верны дому Ваза, но не лично ему. Карл IX воюет на трёх фронтах — политическом, финансовом, династическом. Он не может открыть четвёртый. Мы предложим ему перемирие на одном из трёх. Он согласится».

Власьев запомнил этот разговор слово в слово. Теперь, стоя на корме «Святого Николая» и глядя, как шведский берег проступает из тумана — низкий, скалистый, чужой, — он повторял про себя доводы Ионы. Признание. Торговля. Перемирие.

Берег приближался. Где-то там, в стокгольмском замке, сидел пятидесятилетний человек с рыжей бородой и нервными руками. Человек, который четыре года назад подписал смертный приговор шестидесяти трём шведским аристократам — сторонникам Сигизмунда. Человек, который спал с пистолетом под подушкой. Человек, который нуждался в Москве так же, как Москва нуждалась в нём. Но пока не знал об этом.

Власьев улыбнулся — тонко, одними губами. Удовольствие дипломата: знать то, чего не знает собеседник.

Стокгольмский замок

2 октября 1600 года. Стокгольм. Королевский дворец.

Замок был меньше, чем ожидал Власьев. Не то чтобы он ожидал московского Кремля — но всё же. Три этажа серого камня. Узкие окна — не для красоты, для обороны. Внут-

ренный двор, вымощенный булыжником. Вороны на башнях. Запах: рыба, водоросли, дым.

Карл IX принял его в малом зале — не в тронном. Это было хорошим знаком. Тронный зал означал бы церемонию, а церемония — отсутствие дела. Малый зал означал разговор.

Король сидел в кресле с высокой спинкой. Он был ниже ростом, чем представлял Власьев. Рыжая с проседью борода, коротко стриженная — по лютеранскому обычаю. Глаза светлые, почти бесцветные, как вода в шведских озёрах. Пальцы сжимали подлокотники — точно так же, как у Годунова. Власьев заметил это совпадение и сохранил в памяти.

Рядом с королём стояли двое: канцлер Сванте Бьелке и адмирал Иоахим Шеель. Обоих Власьев знал заочно — по донесениям. Бьелке: старый, осторожный, кальвинист по убеждениям и прагматик по службе. Шеель: молодой, горячий, сторонник жёсткой линии против Польши. Иона сказал: «Шеель будет твоим союзником. Бьелке — твоим препятствием. Говори с королём через Шееля, с канцлером — через короля».

Власьев поклонился — ровно настолько, насколько кланяются равному. Не ниже. Не выше. Карл оценил.

— Посол Московии, — произнёс король по-немецки. — Мой канцлер говорит, что у вас предложение. Говорите.

Власьев заговорил. Он говорил на немецком — шведского он не знал, латынь Карл не любил, французского не признавал. Немецкий был компромиссом: язык торговли, язык лютеранских княжеств, язык дела.

Он говорил час. Может быть, два. Время в переговорах текло иначе — то сжималось в мгновения, то растягивалось в вечность. Он излагал позицию Москвы: нейтралитет, торговля, непризнание польских претензий.

Карл слушал. Иногда перебивал — короткими, точными вопросами.

— Почему вы предлагаете это сейчас? — спросил он.

— Потому что сейчас у нас общий враг, — ответил Власьев. — Сигизмунд III. Вы отобрали у него шведскую корону. Мы не позволим ему отобрать московскую. Он угрожает нам обоим. Если он укрепитя в Москве — он вернётся в Стокгольм.

— Он не вернётся.

— Вернётся, — сказал Власьев спокойно. — С московскими деньгами. С московскими полками. С иезуитами, которые пойдут за ним в любую страну — хоть в Швецию, хоть в Данию, хоть в ад.

Карл усмехнулся. Усмешка была сухой — как всё в этом замке, как всё в этой стране.

— Вы предлагаете признать меня королём. А что, если я не нуждаюсь в вашем признании?

— Ваше величество, — Власьев позволил себе тонкую улыбку, — вы нуждаетесь в признании. Рим не признает вас. Вена не признает. Копенгаген не признает. Кто остаётся? Москва. Париж далеко. Лондон — ещё дальше. А мы рядом.

Канцлер Бьелке шевельнулся. Власьев заметил это боковым зрением и мгновенно перестроился.

— Кроме того, есть торговля. Ваша казна зависит от пошлин с балтийской торговли. Ганза слабеет. Датчане перекрывают проливы. А мы предлагаем открыть Неву. Прямой путь в русские земли. Без ганзейских посредников. Без датских пошлин.

Глаза Карла сузились. Торговля — вот что его интересо-

вало. Иона был прав.

— Сколько? — спросил король.

— Пошлина вдвое ниже ганзейской. Но объём — втрое выше. Вы получите больше денег, чем сейчас. И деньги будут идти напрямую в вашу казну, а не в карманы ганзейских купцов и датских таможенников.

— И что вы хотите взамен?

— Сорок тысяч талеров серебром. Заём. Под пять процентов годовых. С выплатой через три года.

— Это большие деньги, — сказал король.

— Это ничтожные деньги по сравнению с тем, что вы потеряете, если Сигизмунд победит, — возразил Власьев.

Карл молчал. Долго. Власьев считал удары сердца: пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Тишина была полной — слышно было, как за окном кричат вороны.

— Сорок тысяч, — произнёс король наконец, — при условии, что договор будет тайным.

— Тайным, — согласился Власьев. — Никто не узнает. Кроме нас и вас.

— Сигизмунд узнает, — сказал Карл. — У него шпионы везде.

— Пусть узнает, — сказал Власьев. — Но узнает позже. Когда договор уже будет подписан.

Карл снова усмехнулся — на этот раз чуть теплее.

— Вы, московиты, странные люди. Вы говорите о торговле, а думаете о войне.

— Мы думаем о мире, ваше величество. Просто мы знаем, что мир — это война, которая ещё не началась.

Карл посмотрел на Бьелке, потом на Шееля. Канцлер чуть заметно покачал головой — против. Адмирал кивнул — за. Король перевёл взгляд на Власьева.

— Я подумаю. Дайте три дня.

— У нас нет трёх дней, — сказал Власьев. — Через три недели самозванец перейдёт границу. Если он перейдёт — наш договор станет бесполезным. Потому что у Москвы нач-

нётся война. А воевать и платить мы не сможем.

— Два дня, — сказал король.

— Завтра, — сказал Власьев.

Карл смотрел на него долго — теми же светлыми, бесцветными глазами. Потом кивнул.

— Завтра. В полдень.

Власьев поклонился и вышел.

Видение второе: Север

Иона не был в Стокгольме никогда — и всё же видел его. Видел не глазами — иным зрением, которое он не мог объяснить никому, даже себе.

Во сне — или не во сне — он стоял на скалистом берегу, глядя на серую воду. За спиной возвышался замок — три этажа камня, вороны на башнях. Ветер дул с моря — холодный, солёный, острый как нож.

Рядом стоял человек. Человек без лица — вернее, с лицом, которое постоянно менялось. То рыжая борода Карла.

То рыбыи глаза Власьева. То что-то иное — тёмное, неразличимое.

— Ты думаешь, что купил его, — сказал человек. Голос звучал как ветер. — Ты думаешь, что сорок тысяч талеров и торговая пошлина — это цена. Но ты ошибаешься.

— Я не покупал его, — ответил Иона. — Я дал ему то, что ему нужно.

— Ты дал ему легитимацию. А легитимация — это больше, чем деньги. Легитимация меняет историю. Ты сделал узурпатора — королём. Ты написал строчку в книге судеб, которую нельзя стереть.

— Это всего лишь строчка.

— Из строчек складываются главы. Из глав — книги. Из книг — эпохи. Ты запустил цепь причин и следствий, конца которой не видишь даже ты.

Иона молчал. Ветер усиливался.

— Что будет дальше? — спросил он.

— Дальше? — человек без лица рассмеялся. — Дальше

Карл поверит, что он в безопасности. Он бросит все силы на Данию. Он начнёт Кальмарскую войну раньше, чем должен был. Он победит. Или проиграет. Неважно. Важно, что он отвлечётся. Твой северный фланг будет прикрыт. Это то, чего ты хотел.

— Это то, чего я хотел, — повторил Иона.

— Но цена будет выше, чем ты думаешь. Всегда выше. Ты думаешь, что ты игрок. Но ты — фигура. Ты двигаешься по доске, даже когда думаешь, что двигаешь других.

Иона проснулся. За окном — Москва, ноябрь, мокрый снег. На столе — карта. Стрелки чуть сдвинулись. Или ему показалось.

Он записал сон в книгу, которую вёл уже десять лет. Книга была спрятана под половицей в его келье. Никто не знал о ней. Если бы Власьев нашёл её — он использовал бы сны как агентурные донесения. Если бы Тимофеев — он занёс бы их в реестр и присвоил номера. Если бы церковные власти — его объявили бы еретиком.

Но Иона знал: сны — это не пророчества. Сны — это карта. Такая же, как та, что лежит на столе. Только нарисованная не угольком, а страхом, надеждой и бессонницей.

Стокгольм: второй день

3 октября 1600 года. Королевский дворец. Полдень.

Власьев не спал ночь. Он сидел в отведённой ему комнате — крошечной, с голыми каменными стенами — и перебирал в памяти каждый поворот разговора. Что он сказал правильно? Что — неправильно? Где король колебался? Где Бьелке хмурился? Где Шеель кивал?

Он знал: переговоры — это не слова. Переговоры — это ритм. Как музыка. Как бой на саблях. Есть свой рисунок, свой такт. Если сбиться — пропадёшь.

Ему не хватало Ионы. В Москве, в Посольском приказе, Иона всегда был рядом — невидимый, неслышный, но присутствующий. Он говорил мало, но каждое слово попадало в точку. Власьев привык полагаться на это присутствие. Здесь, в Стокгольме, он был один — впервые за долгое время.

Он достал из дорожного мешка ларец. Открыл. Внутри лежали собольи меха — десять шкурок, отборных, чёрных как смоль. Подарок королю? Нет. Подарок — королевскому секретарю. Маленькому человеку с большим доступом к бумагам. Иона сказал: «Королю не дари ничего. Король должен

думать, что ты даёшь ему только договор. Но секретаря подмажь. Секретарь покажет тебе проект договора до того, как король его увидит».

Власьев завернул меха в тряпицу. Вышел в коридор. Нашёл секретаря — белобрысого шведа с крысиным лицом и бегающими глазами. Отвёл в сторону. Заговорил тихо, почти шёпотом:

— У меня есть небольшой знак уважения к вашей королевской канцелярии. Чисто дружеский. Не подарок — жест.

Секретарь взял свёрток. Взвесил в руке. Глаза его на мгновение остановились — оценили вес, мягкость, запах меха.

— Что вы хотите?

— Ничего. Только чтобы проект договора, который ляжет на стол короля, был составлен в правильных выражениях. Мы оба знаем, что дьявол — в деталях.

Секретарь кивнул — быстро, по-крысиному. Исчез.

Через два часа Власьеву принесли проект договора. Он прочитал его трижды. Всё было так, как они обсуждали. Почти. В параграфе о торговых пошлинах была приписка —

мелкая, еле заметная: «...при условии сохранения существующих ганзейских привилегий».

Власьев похолодел. Ганзейские привилегии означали, что шведы не получают ничего — все торговые пути останутся в руках Ганзы. Приписка была ловушкой Бьелке. Старый канцлер хотел сорвать договор чужими руками — и свалить вину на московитов.

Власьев потребовал встречи с королём — немедленно. Его провели в тот же малый зал. Карл сидел в кресле. Рядом стоял Бьелке — бледный, поджавший губы.

— Ваше величество, — сказал Власьев, положив проект на стол, — здесь ошибка. Кто-то вписал лишние слова. Ганзейские привилегии аннулируют все наши договорённости. Это не то, о чём мы говорили.

Карл взял бумагу. Прочитал. Поднял глаза на Бьелке.

— Канцлер?

Бьелке молчал. Молчание длилось долго — слишком долго для невиновного.

— Убрать, — сказал король. — Переписать. Сегодня.

Бьелке поклонился и вышел. Власьев остался наедине с королём. Тишина была иной, чем вчера, — тяжёлой, наэлектризованной.

— Вы хорошо работаете, — сказал Карл неожиданно. — Жаль, что вы не служите мне.

— Я служу своему государю, — ответил Власьев.

— Ваш государь далеко. Мой враг — близко. И ваш враг — тоже близко. Мы в одной лодке, посол.

— В одной лодке, ваше величество. Поэтому я здесь.

Карл встал. Подошёл к окну — узкому, бойнице, а не окну. Посмотрел на серое небо.

— Вы знаете, что я сделал со сторонниками Сигизмунда четыре года назад? — спросил он, не оборачиваясь.

— Знаю, ваше величество.

— Шестьдесят три человека. Аристократы. Советники. Епископы. Я подписал приговор лично. Каждого. Шестьдесят три подписи. У меня потом три дня болела рука.

Он повернулся. Глаза его были светлыми — слишком светлыми.

— Я не хотел этого. Но они не оставили мне выбора. Либо я, либо он. Либо Швеция, либо Рим. Либо порядок, либо хаос. Я выбрал порядок.

— Мой государь тоже выбирает порядок, — сказал Власев. — Именно поэтому я здесь. Мы не хотим войны. Мы хотим, чтобы каждый занимался своим делом: вы — Швецией, мы — Москвией. И чтобы никто не лез через границу с иезуитами и частными армиями.

Карл кивнул. Медленно. Тяжело.

— Завтра подпишем.

Ночной разговор

3 октября, ночь. Стокгольм. Гостевые покои.

Власев не ожидал гостя. Но когда дверь открылась без стука — он не вздрогнул. Дипломат, который вздрагивает от неожиданностей, живёт недолго.

Вошедший был высок, сухопар, с длинным лицом и длинными пальцами. Одет в тёмное — не придворный, не военный. Священник? Учёный? Шпион?

— Моё имя Нильс Брак, — сказал вошедший. Голос был тихим, но чётким — как будто каждое слово он отрезал ножом. — Я представляю интересы тех, кто желает Швеции добра. И Московии — тоже.

Власьев не предложил ему сесть. Брак сел сам — на лавку у стены, сложив руки на коленях.

— Вы заключили договор с королём. Это хорошо. Я здесь, чтобы предупредить вас: договор — только бумага. Бумага не остановит армию.

— Армию? — переспросил Власьев. — Какую армию?

— Армию герцога Карла — так он её называет. Двадцать пять тысяч человек. Финские полки, немецкие наёмники, шведское ополчение. Он готовит кампанию. Не против Московии — против Дании. Но если датская кампания закончится быстро, у него останутся свободные войска. И тогда он может передумать насчёт договора.

Власьев слушал, не перебивая. Он знал о шведских воен-

ных приготовлениях — донесения из Ревеля и Нарвы были достаточно подробными. Но знать и слышать подтверждение из первых уст — разные вещи.

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что я швед. И я не хочу, чтобы моя страна во-
евала на три фронта. Король думает, что он Навуходоносор.
Он не Навуходоносор. Он просто человек с рыжей бородой,
который слишком долго был вторым сыном и теперь пыта-
ется доказать, что он первый.

Брак помолчал, потом добавил:

— И ещё потому, что Сигизмунд — мой враг. Католик.
Иезуит. Тиран. Если ваш договор поможет удержать его от
возвращения в Швецию — я готов помогать вам в этом.

— Чем?

— Информацией. Я знаю многое. Я знаю, кто из окруже-
ния короля получает деньги из Кракова. Я знаю, какие пись-
ма пишет Бьелке папскому нунцию в Вене. Я знаю, сколько
пушек отлито на королевских заводах в этом году и куда их
повезут.

Власьев молчал, обдумывая услышанное. Иона учил его: «Информатор, который предлагает себя сам, — всегда двойная монета. Либо он действительно хочет помочь, либо он подослан. Но даже подосланный информатор полезен — потому что через него можно передать то, что ты хочешь, чтобы узнал его хозяин».

— Что вы хотите взамен?

— Ничего сейчас. Потом — возможно, убежища. Если король узнает, что я говорил с вами, моя голова окажется на пике рядом с шестьюдесятью тремя. Я предпочитаю, чтобы она осталась на плечах.

— Вы получите убежище, — сказал Власьев. — Если понадобится.

Брак кивнул. Встал. Подошёл к двери. У порога обернулся:

— Договор — это хорошо. Но помните: король боится. Страх — плохой советчик. Особенно когда боится тот, у кого в руках армия.

И вышел.

Власьев долго сидел в темноте, глядя на закрытую дверь. Потом зажёл свечу и записал разговор — слово в слово, насколько смог восстановить по памяти.

Сага об Ионе: отступление четвертое

Вильно, 1583 год. Семнадцать лет назад.

Иона — тогда ещё не Иона — сидел в библиотеке иезуитской коллегии и читал книгу о севере. Книга называлась «*Historia de gentibus septentrionalibus*» — «История северных народов», написанная Олафом Магнусом почти полвека назад. В ней были карты — странные, неточные, но живые. На картах изображались морские чудовища, лесные демоны, люди с пёсыми головами. И среди всего этого — Швеция: страна скал, озёр и бесконечного холода.

Ксёндз Алоизий нашёл его там — как обычно.

— Ты опять читаешь книги, которые тебе не положены.

— Я хочу понять север, — ответил мальчик. — Нам придётся иметь с ним дело.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Польша — между нами и Швецией. А Сигизмунд — между Польшей и Швецией. Он король одной и наследник другой. Рано или поздно это столкнёт всех со всеми. Мы должны быть готовы.

Ксёндз сел напротив. Снял очки. Протёр их краем сутаны.

— Ты мыслишь на четыре хода вперёд, — сказал он. — Это опасно. Ты можешь увидеть то, чего нет. Принять свои фантазии за реальность. Знаешь, как отличить фантазию от реальности?

— Как?

— Фантазия — это когда ты видишь только победу. Реальность — когда ты видишь цену. Любой ход имеет цену. Любой план стоит денег, крови или времени. Если ты не знаешь цены — ты не знаешь плана.

Мальчик задумался. Потом спросил:

— А какова цена шведского нейтралитета?

Ксёндз улыбнулся — той самой улыбкой, от которой ученикам становилось не по себе.

— Шведский нейтралитет? — переспросил он. — Шведы никогда не бывают нейтральными. Они либо воюют, либо торгуют. Если ты предложишь им торговлю, они на время забудут о войне. Но ровно до тех пор, пока торговля не перестанет приносить прибыль. В тот день, когда война станет выгоднее торговли, они нападут.

— Значит, нужно сделать так, чтобы торговля всегда была выгоднее.

— Именно. Но для этого нужно знать, что им нужно. А что им нужно?

— Деньги. Признание. Безопасность.

— Деньги — да. Признание — да. Безопасность... — ксёндз покачал головой. — Безопасность им не нужна. Они викинги. В каждом шведе спит берсерк. Им нужен враг. Если у них нет внешнего врага, они находят внутреннего. Дай им врага — того, кто им угрожает больше, чем ты. И они будут с тобой дружить.

— Кто им угрожает?

— Посмотри на карту. Дания. Всегда Дания. Они спорят из-за Скандинавии уже сто лет. Дай им повод усилить этот

спор — и они забудут о тебе.

Мальчик запомнил этот разговор. Семнадцать лет спустя, стоя над картой в Посольском приказе, Иона начертил стрелку от Стокгольма к Копенгагену — и подписал: «Кальмарская война. Ускорить».

Подписание

4 октября 1600 года. Стокгольм. Королевский дворец. Полдень.

Договор подписывали в том же малом зале — без свидетелей, без церемоний. Только король, канцлер Бьелке, адмирал Шеель и Власьев с двумя подьячими.

Бумаги были готовы: два экземпляра на русском, два на шведском. Власьев проверил каждую букву. Параграф о ганзейских привилегиях исчез. Параграф о признании Карла законным королём — есть. Параграф о торговых пошлинах — есть. Параграф о займе — есть. Секретный протокол — отдельный лист, не подшитый к основному договору, — о разрыве контактов с польскими магнатами. Этого листа не существовало для истории. Он будет храниться в личном архиве Годунова, в ларце за тремя печатями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.